

Деррида, – или, во всяком случае, как всякая ограниченность, она обеспечивает силу и хватку, и она обладает здесь незаменимой мощью»³⁰.

И все-таки именно в данном моменте, относительно вопроса об *истоке* и *падении*, четко обозначен *разрыв* с хайдеггеровской проблематикой. Деррида отмечает: «...Оппозиция *исходного* и *производного* – не является ли она собственно метафизической? Отыскание *архии* вообще, какими бы ни были предосторожности, окружающие этот концепт, – не есть ли оно существенная операция метафизики?»³¹ Как мы уже упоминали, это принципиальный вопрос, в котором деконструктивистская герменевтика Деррида отходит от хайдеггеровской деструкции. Если цель деструкции Хайдеггера прозрачна – услышать голос бытия, истока сквозь напластования метафизики, – то деконструкция не может иметь такой цели, так как под вопрос поставлено наличие истока и «фонологичность» бытия. Но какова тогда цель деконструкции того или иного текста? Что там пытаются усмотреть, если не «голос бытия»? Этот вопрос требует более пристального исследования, пока же отметим, что Деррида преодолевает «логоцентризм» Хайдеггера с помощью Ницше, который в данном моменте, по его мнению, радикальнее Хайдеггера³².

Примечания

- 1 Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 17.
- 2 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 48.
- 3 Там же. С. 49.
- 4 Хайдеггер М. Бытие и время. С. 21.
- 5 См.: Хайдеггер М. Проселок. Неторные тропы // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 238–242.
- 6 Хайдеггер М. Бытие и время. С. 22.

- 7 Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 145.
- 8 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 154.
- 9 Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 146.
- 10 Там же. С. 143.
- 11 Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 119.
- 12 Там же. С. 120.
- 13 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 34–35.
- 14 Там же. С. 135.
- 15 Библихин В.В. Комментарии // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 433.
- 16 Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 341.
- 17 Там же. С. 26.
- 18 Там же.
- 19 Марков Б.В. Герменевтика *Dasein* и деструкция онтологии у Мартина Хайдеггера // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб., 1999. С. 10–33.
- 20 Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 26.
- 21 Хайдеггер М. Бытие и время. С. 29.
- 22 Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 27.
- 23 Там же. С. 28.
- 24 Деррида Ж. Позитивизм. Киев, 1996. С. 19–20.
- 25 Там же. С. 96.
- 26 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. С. 154.
- 27 Деррида Ж. Позитивизм. С. 20.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 21.
- 30 Там же.
- 31 Derrida J. Margins of Philosophy. Chicago, 1982. P. 63.
- 32 Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция. С. 202–242.

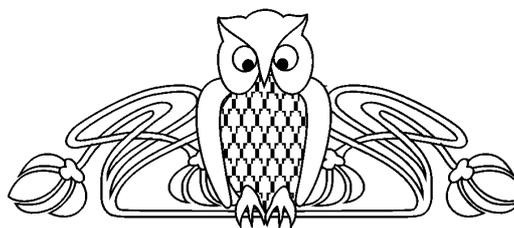
УДК 111.32

СИМВОЛЫ ДУХА: СЛОВА И ЛИЦА

С.И. Мозжилин

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра философии и политологии
E-mail: MozhilinSI@list.ru

Статья посвящена проблеме обретения человеком **духа** и его символов в аспекте возникновения речи и языка. В работе исследуются психологические механизмы превращения сигналов первой сигнальной системы в символы **лиц**, составивших основу автономии знака.

The symbol of the spirit: Words and persons

S.I. Mozhilin

The problem of the spirit symbolization connecting with the speech and language foundation is investigated in the article. The psychological mechanism of signal transformation from the signals of fist signal system to the symbols of the persons, that is the base of signal autonomy, is analyzed.

В современном языке слово «дух» имеет много значений, которые формировались на протяжении длительной эволюции человеческой мысли и мировоззрения. Но так как данная работа посвящена образованию самого первого имени и обращена к детству человечества, то и слово «дух» будет употребляться в его первичном значении, свойственном мифологическому мировоззрению, т.е. в значении бестелесного фантастического существа, наделяемого способностью присутствовать во всех предметах и явлениях.

Вряд ли может вызывать сомнение тот факт, что *дух* в значении невидимого и неосязаемого объекта, наделяемого в мифах различными образами, первоначально мог быть обозначен только именем, которое всегда является символом, поскольку всякое обозначение физически отсутствующего есть символ. Но всякое имя является языковым знаком. Знаки же, функции которых могут выполнять любые чувственно воспринимаемые предметы, любое действие или звук, так как они прямо указывают на обозначаемый объект, в принципе могут использовать животные с высокоорганизованным мышлением, основанным на образно-наглядной репрезентации данных. Другое дело, что животные способны обозначать только те объекты, которые находятся в их поле рецепции. При этом их сигналы могут быть достаточно вариabельными. К примеру, исследователи происхождения знака выделяют обнаруженный этологами факт, свидетельствующий о том, что мартышки-верветки используют для обозначения источников опасности различные звуки: о появлении орла свидетельствует один звук, леопарда – другой, а змеи – третий¹. Шимпанзе используют при выражении чувств в дружелюбном контексте гласные звуки [a], [o], [y], [э], иногда сочетая их с согласными². Но животные не обозначают ничего, что не воздействует на их органы чувств непосредственно, даже если это воздействие и происходило в прошлом. Они не обозначают и то, что может случиться в будущем. Буквально: звуки, издаваемые животными, жесты или действия всегда сопряжены с каким-либо внешним или внутренним раздражителем – сигналом, беспокоящим животное непосредственно. Поэтому некоторые исследователи категорически отвергают возможность использования знаков в общении животных, относя все их коммуникативные средства к сигналам первой сигнальной системы, т.е. естественным биологическим раздражителям.

Данную точку зрения последовательно отстаивал Б.Ф. Поршнев³. И он отчасти был прав, так как традиционно в теориях происхождения языка знак выступает в качестве дефиниции. Следует заметить, что и в настоящее время, следуя этой традиции, исследователи продолжают связывать происхождение языка преимущественно с проблемой возникновения знака. Безусловно, слова являются знаками, но теми знаками, которые обозначают предметы, процессы и явления в *лицах*, а

лица – это символы, требующие интерпретации. Следует согласиться с высказываниями, подобными замечанию Н.Г. Комлева: «Язык природу интерпретирует, а не отражает ее зеркально. Например, в языке слово ветер – имя вещи, но в реальности – процесс»⁴.

В качестве другого аргумента, опровергающего возможность использования знака животными, в случае если под знаком понимается слово, делается замечание: животные реагируют не на смысл, не на значение слова, а только на его звучание⁵. Однако заметим, что соотнесение звучания с действием или предметом и выражает его значение. Другое дело: животные, не воспринимают слова в качестве *лиц*, а потому и не интерпретируют их, следуя их прямому значению. В этой связи следует отметить: только обозначив *лицо*, знак мог стать именем и обрести автономию, поскольку *лицо* не является ничем и никем физически конкретным, постольку и знак, обозначивший его, имеет независимость от конкретного. Невозможно обнаружить обозначение *лица*, анализируя только орудийно-предметную деятельность гоминид, так как ни один знак, обозначающий конкретные, неодушевленные физические предметы, никогда не обрёл бы значение *лица*, ибо как знак физического конкретного предмета мог обозначить *лицо*, символизирующее универсальное во всех именах. Банально объяснять, что знаки *лиц*, которые в современном языке называются местоимениями, обозначают универсальное в языке, например, к знаку «он» причастны все имена мужского рода, будь то собственные или нарицательные, собственно, если убрать значение «он», то исчезнет и имя. Конечно, присутствует конкретизация, указывающая на род (муж., жен., ср.), но известно, что есть языки, использующие только местоимение «он».

Безусловно, обозначения всякого общего возникают в результате абстрагирования конкретного. Вряд ли может вызвать сомнение то, что обозначение *лица* произошло в результате отвлечения свойств живого существа, так как *лицо*, символизируя общее во всех именах, указывает ещё и на половую принадлежность. Также *лицо* символизирует объект, с которым стремится идентифицировать себя субъект, а это есть первый, элементарный акт самопознания. В этой связи справедливо замечание В.А. Лекторского: «Внешние предметы начинают выступать для субъекта как мир объектов, независимо от него и его сознания, лишь тогда, когда появляется первый, элементарный акт самопознания»⁶. Но следует однозначно отметить, что обозначения неодушевленных предметов никак не могли образовать значение *лиц*, а без этого значения они никогда бы не стали именами, а посредством имени мы и объективируем себя и предметы.

Таким образом, без знака *лица* не может быть имени, а без имени слов, так как, говоря словами Блаженного Августина, «... всякое слово может быть именем, а всякое имя — словом...»⁷. Если

у кого-то возникнут возражения, то пусть он попробует освободить имя от *лица*, т.е. употребить его вне значения «он», «она», «оно» или «они», или произнести слово без отношения к вопросительному местоимению, определяющему его значение как части речи. Кроме животного звука, который может, если и означать, то только то, что беспокоит в момент произношения, ничего не останется. Конечно, могут заметить, что слова «он», «она», «оно», «они», как, впрочем, и остальные местоимения, не имеют имени, являясь лишь местами для него, а потому все же есть слова, обозначающие *лица* без имени. Но древние мифы, а также языки народов, находящиеся в состоянии дикости, свидетельствуют о том, что все эти слова, ко всему прочему, были именами мистических существ, которых мы называем *духами*, или *даймонами*. Во всяком случае, анализ местоимений родственных групп языковых семей методом амплификации с обращением к мифологии показывает, что всякое местоимение либо соединение двух местоимений одной языковой группы обретает значение имени какого-либо божества или мистического неизвестного третьего лица в другой родственной группе. Например, в индоевропейской семье древнейшие мифологические имена мистических духов также являются либо были местоимениями: «Сей», «Сый», «Аз(с)», «Тот», «Он» (Ван), «Й + Же», «Уый» (Вий), «Не+Ег» (Херь, Хорс) «Я+Нус» (Янус), «Од + Ин» (Один) и т.д. Ввиду этого естественно предположить, что обозначение мистического существа, которое в результате дальнейшего обобщения обрело значение, выражаемое понятием *дух*, или *даимон*, составило основу символического основания слова. Ведь мистические существа и являются объектами, порождаемыми человеческой фантазией, не имеющими места в чувственном опыте. Символ же, какой бы смысл ни вкладывали в это понятие, является знаком скрытого, таинственного и недоступного для органов чувств. Причастность языковых знаков к *лицу* и делает их символами, поскольку *лицо* в первую очередь является маской, скрывающей неизвестное, побуждающее человека к постоянному мыслительному поиску. Поэтому слово всегда одновременно выполняет функцию знака и символа, говоря словами А.Ф. Лосева, эйдос и сущее в слове неразделимы⁸.

Поскольку животные вообще не обозначают неизвестное, отсутствующее в чувственном опыте, постольку они и не способны воспринимать знаки в качестве символов, а следовательно, превращать образы в *лица*. Ведь образ прямо представляет предмет, т.е. является его внешним атрибутом, а *лицо* является маской, скрывающей неизвестное в предмете, персонифицирующее его. Конечно, имена всему дал человек, уподобляя обозначенное именем себе, а человек ко всему прочему является *лицом*, т.е. существом, облаченным в маску. Но кому уподобился сам человек, обретя при этом *лицо*? Причем этот *некто*, которому уподобился

сам человек, должен быть неизвестным, отсутствующим в чувственном опыте, так как известное не требует символического обозначения *лицом*, демонстрируя себя своим образом.

Представители научной мысли традиционно решают проблему обретения человеком *лица* в аспекте исследования коммуникативных отношений человеческого индивида с другими людьми. Например, анализ формирования «Я» у ребёнка, проводимый в аспекте взаимоотношений с взрослым окружением, составляет фундаментальную основу Я-концепции (Дж. Мид, У. Джемс, Ч. Кули, Р. Бернс и др.). Но следует заметить, что ребёнок формирует своё *лицо* под воздействием взрослых, которые обладают *лицами* и воздействуют на ребёнка не сигналами первой сигнальной системы, а словами, которые, как уже отмечалось, всегда демонстрируют причастность к *лицам*. Данный подход весьма продуктивен при анализе онтогенеза, но он не может объяснить филогенетические механизмы обретения *лица* предками человека, не обладающими самосознанием, а следовательно, и словом, поскольку и то и другое сопряжено с фиксацией *лица*.

Решение проблемы образования символа *лица* требует, прежде всего, ответа на вопросы: каким образом и какой биологический объект был замещён символическим, психическая реальность которого породила стремление субъекта к идентификации с ним, в результате которой возникает необходимость облачения в *лицо*; почему данная идентификация не имеет завершения; как при этом замещении знак потерял прямую связь с обозначаемым, оказавшись символом? Следует сразу отметить, что первую гипотезу замещения биологического объекта, причем доминирующего по отношению к окружающим (вожака гаремной семьи), символическим, продолжающим доминировать в бессознательном, предложил З. Фрейд.

Решая вопрос, каким образом и какой биологический известный объект был замещён символом, З. Фрейд предположил, что основу символического объекта, с которым стремится, но не может идентифицировать себя субъект, составил отец (вожак гаремной семьи), которая, по мнению мыслителя, являлась первой формой объединения предков человека. Процесс замещения биологического объекта символом мыслитель объяснял психическим механизмом вытеснения, основанием которому была изначальная амбивалентная установка чувств (ненависть – любовь). По З. Фрейду, известный объект – отец – под воздействием первой стороны амбивалентной установки (ненависть) к нему его сыновей, образовавшейся ввиду исходящих от него запретов на половую связь с женщинами своего гарема, был убит. Вторая сторона амбивалентной установки (любовь) породила чувства стыда и вины за это преступное деяние, под воздействием которых и произошло вытеснение этого преступного деяния, а вместе с ним – известного объекта, источника

запретов – отца – в бессознательное, что обусловило символизацию последнего в форме тотемного животного и превращение его в неизвестного психического контролера поведения человека. Вытесненное преступное деяние связало множество психических процессов в единый психический комплекс, названный исследователем Эдиповым комплексом, определяющим, по мнению З. Фрейда, всю последующую человеческую историю. Неизвестный же объект, продолжающий играть роль цензора поведения, философ обозначил понятием Сверх-Я, которое и составляет, по мнению психоаналитика, ядро формирования представлений о духах и богах. Данную гипотезу З. Фрейд наиболее детально изложил в работе «Тотем и табу». Мыслитель в последующих трудах отмечал, что в «Тотем и табу» «разъяснилось не происхождение религии, а только происхождение тотемизма»⁹. Но тем не менее он всегда последовательно отстаивал положение своей теории о том, что «праотец был прообразом Бога, образом, по которому позднейшие поколения создали божественный образ»¹⁰. Следует отметить, что с помощью данной гипотезы можно достаточно логично интерпретировать психические механизмы функционирования нравственной цензуры, но нельзя решить проблему символизации в аспекте человеческой речи, хотя постструктуралисты и пытались приспособить ее метафорическую форму в качестве пояснительного концепта формирования языковых символов.

З. Фрейд объясняет лишь одно необходимое условие проекции интериоризированного объекта вовне – стремление к идентификации с объектом и ее неосуществимость, поясняя, что данная идентификация не может быть завершена ввиду того, что существо, образовавшее Сверх-Я, продолжает угрожать страхом кастрации, напоминая о том, что только он может иметь то, что желают идентифицирующие себя с ним¹¹. Но гипотеза З. Фрейда не объясняет второе важное условие – выражение неизвестного объекта в имени, т.е. в слове. Мыслитель явно поспешил, заявив о том, что вытесненный в подсознание, т.е. ставший неизвестным, доминирующий объект (убиенный отец), обрел символическое выражение в тотеме. Ведь неизвестный есть персона, не имеющая образа, фиксирующаяся *лицом*, а *лицо* обозначается именем. Поэтому никакой объект внешнего мира, ни животное, ни предмет не могли стать первыми символами, но только слово.

Представители других постклассических концепций сознания подвергли жесткой критике гипотезу З. Фрейда, но тем не менее ее положение, пусть в метафорической форме, часто используют представители структурализма и постструктурализма. Это и неудивительно: трактовка человеческого сознания как текста в постструктурализме, в котором бессознательное отождествляется со структурой знака, предполагает исследование механизмов символизации субъектом объекта, присутствующего в языке в качестве неизвестного

властелина, дающего власть словам, необходимую как для их доминирования в сфере психической реальности над образами, так и составляющую основу силы внушения. Впервые данную позицию психоанализа обозначил Ж. Лакан в докладе на психоаналитическом конгрессе, прошедшем в 1951 г. в Риме¹². Ж. Лакан, следуя З. Фрейду, также полагал, что убийство доминирующего объекта обусловило его замещение символом, связывая возникновение функции символической идентификации с Эдиповым комплексом, но при этом исследователь акцентирует внимание на *имени отца*, отмечая, что именно в нем следует искать носителя символической функции, которая уже на заре человеческой истории идентифицирует его лицо с образом закона¹³. Концентрируя внимание на имени как символе неизвестного объекта, Ж. Лакан устраняет раскритикованную К. Леви-Стросом идею тотема, как базового символа в теории З. Фрейда из анализа языка. Образование же символического Я исследователь связывает с моментом идентификации ребенка с *отцом*, его «нет». Ребенок производит первый символ Я, отмечает психоаналитик, «желая разрушить того, кто таит в себе отчуждение»¹⁴, т.е. мысленно уничтожая источник запрета – отца, выражая это уничтожение в присвоении его Я.

Следует заметить, что в отечественной науке близкую лакановскую позицию при решении проблемы возникновения автономного знака занимал Б.Ф. Поршнев, отмечая, что слово изначально играло и играет роль тормозной доминанты. Доминанта же всегда выражает запрет. Поэтому философ считал, что ребенок, произнося первое слово «мама» выражает отказ, запрещение. «Самым сильным нельзя, – пишет Б.Ф. Поршнев, – является отказ от материнской груди. Слово «мама» обозначает нельзя. Если показывать и говорить «часы», но не давать, то они тоже будут обозначать нельзя»¹⁵. Но Б.Ф. Поршнев не рассматривал механизмы обретения психической реальности неизвестным объектом. Он явно недооценивал теории символа. Впрочем, Б.Ф. Поршнев, отвергая возможность использования знаков животными, часто употреблял понятие «знак» в том же значении, которое теоретики символа употребляют при определении слова как символа. Образование же языка как системы знаков исследователь связывал с психическими механизмами суггестии и контрсуггестии. Заметим, что запретительные сигналы используют доминирующие животные по отношению к доминируемым, но эти сигналы не обретают значения *лицу*.

Преимущество лакановской позиции заключается в том, что «нет» обозначает не только запрет, как утверждал Б.Ф. Поршнев, но и одновременно запрещающего (отца), с которым идентифицирует себя субъект. Иначе бы знак не обрел психическую функцию символа, которая, как отмечал Ж. Лакан, «...обнаруживает себя как двойное движение внутри субъекта, ... человек

сначала превращает свое действие в объект, но затем, в нужное время, снова восстанавливает это действие в качестве основания. Двусмысленность этой процедуры каждый момент и задает поступательный ход функции, непрерывно чередующей действие и познание»¹⁶. Субъект присутствует в символе как объект, с которым стремится идентифицировать себя, а вместе с этим действует и познает не только в настоящем, но и в прошлом и будущем, а поскольку все воспринимаемое объективировано в человеческой мысли символом, то оно всегда предстает в виде текста, который можно, по мнению психоаналитика, расшифровать. Но так как базовый физический объект (отец) был заменен именем (ввиду его убийства), то и обозначение всех желаний человеком, по мнению Ж. Лакана, мотивировано стремлением к их уничтожению. Со всем этим можно и соглашаться, и нет. Но Ж. Лакану так и не удалось выйти из тупика, упирающегося в гипотезу З. Фрейда, согласно которой, Эдипов комплекс является базовым комплексом, обуславливающим расщепление психики на субъект и объект.

Полагаю, что нет необходимости в использовании Эдипова комплекса в качестве пояснительного концепта обретения психической реальности неизвестным объектом, в бессознательном стремлении к идентификации с которым человек облачается в лицо-маску, обозначая при этом себя его именем. Для замещения доминирующего биологического объекта символом достаточен был психический перенос центра тяжести власти, буфера агрессии и концентрации внимания с доминирующего объекта на его сигнал, превращающего сигнал в символ, замещающий образ *лицом*. Но для более ясного понимания все же следует разъяснить подробнее суть первого психического переноса и замещения.

Предположим, что гоминиды, одним из видов которых были предки человека, жили не гаремной семьей, как полагал З. Фрейд, а группой, напоминающей группу шимпанзе. Высокий уровень орудийной оснащённости гоминид и более интенсивное манипулирование орудиями по сравнению с орудийной деятельностью шимпанзе значительно расширял и возможности мышления, основанного на образно-наглядной репрезентации данных. Но психологические исследования образно-наглядного мышления животных показывают, что главную роль при решении поставленной перед ними задачи играют аналогии, т.е. подобные ситуации, зафиксированные в прошлом опыте. Чем больше фиксируется аналогичных ситуаций, тем сложнее и дольше происходит выбор¹⁷.

У развития такого мышления должен быть предел как на физиологическом уровне, так и на психическом. В определенные моменты могла возникать путаница в аналогиях, вследствие которой могли происходить неверные психические переносы элементов одних ситуаций на другие. Также интенсивное использование гоминидами орудий,

которые одновременно могли использоваться в качестве оружия, усиливало напряженность во взаимоотношениях между членами группы. Наибольшее давление испытывали вожаки групп, так как лидер всегда является главным буфером агрессии в конфликтных ситуациях. Частая гибель вожаков должна была порождать механизмы их быстрой замены. Но в зоологическом сообществе все не могли быть лидерами, так как это привело бы к еще большей напряженности, связанной с конкурентной борьбой. Вероятно, эти факторы обусловили исчезновение всех гоминид, кроме тех, которые обрели идеального мистифицируемого покровителя, обозначенного словом-символом. Случилось это так. Вожак в поиске дополнительных средств воздействия на группу наряду с различными действиями и жестами использовал звуковой сигнал в качестве концентрации внимания и буфера агрессии. Самым лучшим сигналом, концентрирующим внимание (здесь надо согласиться с Б.Ф. Поршневым), должен был быть тот, который ставил запрет на все действия, за которым следовали указания лидера. Таким мог стать сигнал, состоящий из двух звуков с противоположной направленностью (дружелюбный и агрессивный).

Как уже отмечалось, шимпанзе способны дифференцировать информацию гласными и согласными звуками. Тем более такой способностью должны были обладать гоминиды при их более развитых нейрофизиологических параметрах головного мозга. Если соединить дружелюбный (гласный) и агрессивный (согласный) звуки, то получим сигнал, необходимость которого для возникновения речи, утверждал Б.Ф. Поршнева, означающий и не то, и не другое, а, следовательно, просто концентрирующий внимание на том, кто его произносит, заставляя при этом задуматься, чего он желает. Такой сигнал вполне можно назвать знаком. (Собственно, Б.Ф. Поршнева на этом и остановился.) Но это еще не слово, так как отсутствует его символическая составляющая. Здесь следует пояснить ее происхождение. Она могла появиться (мы последуем Ж. Лакану), при условии исчезновения биологического доминанта, но в то же время сохранения фактора стремления уподобления ему. Но не будем при этом навязывать нашим предкам грех «убийства родителя».

Исчезновение доминирующего объекта (вожака группы гоминид), или потеря прямой связи между ним и сигналом, которым он концентрировал внимание членов группы, произошло путем психического переноса центра тяжести власти, концентрации внимания и буфера агрессии с доминанта на произносимый им сигнал. Это случилось ввиду того, что сигнал вожака, учитывая высокую степень имитативности гоминид, стали использовать все члены группы в качестве буфера агрессии и концентрации внимания, а если все – то нет конкретного лидера.

Поскольку доминирующий объект стал неизвестен, говоря словами Ж. Лакана, ему было дано имя, которое, будучи символом, осуществило роль психической функции, обнаруживающей себя как двойное движение внутри субъекта. Но опять-таки уточним тезис психоаналитика. Имя (в лингвистическом его понимании) было дано позже. Первое же имя не давалось никем, а появилось бессознательно. Им и стал сигнал, заместивший доминанта, который, обозначив *лицо*, получил автономию от конкретного образа и ситуации. Ведь использование сигнала доминанта сопровождалось стремлением к уподоблению с ним, в результате чего появился первый групповой идеал – идеал доминанта, породивший потребность облачения в лицо-маску. Буквально: назвался груздем – полезай в кузов. Также думается, что имя, заместившее доминанта, получив его функции (буфер агрессии, концентрация внимания, власть и цензура поведения) содержало в себе всё необходимое для формирования представлений о доминирующем объекте, не имеющем физической реальности, который в результате дальнейшего обобщения получил наименование «дух». Во всяком случае, можно привести огромное количество примеров из мифологии и этнографии, свидетельствующих о том, что имена у дикарей порой наделяются большей магической силой, нежели духи и боги. Например, Исиде, чтобы обрести могущество Ра, требовалось только его имя¹⁸. В этой связи отметим, что архетип, порождающий представления о физически неосязаемом, доминирующем объекте, который в результате дальнейших обобщений получил общее название «дух», образовался одновременно со знаком *лица*, т.е. с именем.

Таким образом, наши предки путем рассматриваемого психического переноса и замещения обрели имя, заместившее биологического доминанта, обозначившее первое *лицо*, которым, надо полагать, было групповое *Я*, а потому могло играть роль и местоимения «мы», и «он». *Мы* – так как первоначально обозначило не только отдельных индивидов, но и всю группу, *Он* – по отношению к соседней группе и т.д. К тому же надо полагать, что если у приматов существует большое разнообразие сигналов, дифференцирующих информацию, то у гоминид, более активно занимающихся орудийной деятельностью, таких сигналов, которых вполне можно назвать знаками, было намного больше. В результате соединения этих знаков с именем «идеального доминанта» – *духа* и образовались слова. А данное соединение было неминуемо, так как это имя, заместив биологического доминанта, ко всему прочему стало главным концентратором внимания, многократно усиливая силу внушения знака, ибо знак стал передаваться от имени

духа, т.е. от объекта, который и стал главным доминантом. В дальнейшем древнейшие *духи* и культы, определяющие сознание и поведение дикарей, были заменены более сложными культурами, но их имена, коими в современных языках являются местоимения, продолжают выполнять их функцию: благодаря им все предметы, обозначаемые словом, обретают значение *лиц*, а *лица*, являясь символами, указывают на скрытое под ними, предполагая его мыслительный поиск и многообразную интерпретацию. Также древнейший *дух*, символизируемый *лицом*, обозначив общее, к которому стали причастны все знаки, объединил их в единую систему, которую и принято называть языком. И если из языка убрать символы *духа*, коими являются *лица*, то знаки перестанут соотноситься друг с другом и проверяться друг через друга, так как исчезнет общее, объединяющее начало, и будут указывать лишь на конкретное обозначаемое, а следовательно прекратится непрерывный речевой процесс.

Примечания

- 1 См.: Шер А.Я., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004. С. 17.
- 2 См.: Дерягина М.А., Бутовская М.А. Этология приматов. М., 1992. С. 113–114.
- 3 См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 129.
- 4 Комлев Н.Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. М., 1992. С. 44.
- 5 См.: Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. С. 8.
- 6 Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 131.
- 7 Августин Аврелий. Об учителе // Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 2000. Т. 1. С. 278.
- 8 Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С. 171.
- 9 Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Избранное: В 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 117.
- 10 Там же. С. 135.
- 11 См.: Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 361.
- 12 См.: Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- 13 Там же. С. 48.
- 14 См.: Лакан Ж. Семинары: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 227.
- 15 См.: Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 337–338.
- 16 Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. С. 55.
- 17 См.: Выготский Л.С., Лурия А.Ф. Этюды по истории поведения. М., 1993. С. 54–55.
- 18 См.: Мифы Древнего Египта // Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994. С. 19.